

И. Г. Подпорин

Институт бизнеса БГУ, Минск, Беларусь, podporiny@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ ПОСТГУМАНИТАРНОГО ПОВОРОТА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Постгуманитарный поворот в социальных науках отражает ряд методологических притязаний современного социального знания, которые ведут к пересмотру методологических стратегий. В спекулятивном реализме, акторно-сетевой теории и некоторых версиях современной социальной антропологии переосмыслены базовые методологические принципы отношения предмета и объекта исследования, определения метода и позиции исследователя. Автор статьи полагает, что к таким принципам относятся контингентность, поливалентность и трансверсальность. Реализация этих принципов в постгуманитарных исследованиях провоцирует необходимость новой формулировки методологических проблем.

Ключевые слова: *постгуманитарный поворот, методология социальных наук, контингентность, поливалентность, трансверсальность*

I. Padporyn

School of Business of BSU, Minsk, Belarus, podporiny@mail.ru

METHODOLOGICAL CHALLENGE OF POST-HUMANITARIAN TURN IN SOCIAL SCIENCES

The post-humanitarian turn in the social sciences reflects a number of methodological claims of modern social knowledge, which lead to a review of methodological strategies. In speculative realism, actor-network theory and some versions of modern social anthropology, the basic methodological principles of the relationship between the subject and the object of study, the finding of the method and position of the researcher are rethought. The author of the article believes that such principles include contingency, multivalence, and transversality. The implementation of these principles in post-humanitarian research provokes the need for a new formulation of methodological problems.

Keywords: *post-humanitarian turn, the methodology of social sciences, contingency, multivalence, transversality*

В XXI в. в науках о человеке, обществе и культуре наблюдается так называемый постгуманитарный поворот. Появление спекулятивного реализма в философии (Г. Харман, К. Мейясу) [1, 2], акторно-сетевой теории в социологии (Б. Латур) [3], антропологических, религиоведческих и других методологий, стремящихся проникнуть «по ту сторону человеческого» (Э. В. де Кастру, Э. Кон, Г. Харви) [4–6] выражают ряд общих для них исследовательских притязаний. Не вдаваясь в идеологические споры о «расчеловечивании» или «дегуманизации» современного социального знания, можно отметить следующие методологические претензии. Во-первых, артикулируются попытки радикального отказа не только от европоцентристских установок в исследовании различных обществ и культур, но и от антропоцентризма как такового. Человек предстает как актер (если угодно, субъектность или самость) среди акторов не-человеческих независимо от природы последних, будь то вещи, живые существа, невидимые воображаемые или природные силы, процессы и т. п. Во-вторых, в качестве интенции подобных исследований и соответствующей им методоло-

гии обнаруживается очередная попытка приближения к фактичности, исключая известные нам в предшествующих эпистемологиях типы субъект-объектных отношений и отношений исследовательских предметов к изучаемому объекту, в частности, в версиях объективизма, субъективизма и корреляционизма. В-третьих, подобные исследования претендуют на принципиальную парадигмальную новизну, способную обеспечить не столько «доступ» к реальности (или объектам) в собственном смысле (как это было в предшествующей метафизике), сколько понимание механизмов гетерархического, пульсирующего, всякий раз уникально конфигурированного взаимодействия различных «сущностей», в которых «реальность» (косвенно или в своем отсутствии) некоторым образом устанавливается. Очевидная провокационность указанных выше притязаний порождает ряд вопросов, основным среди которых является вопрос «как и на каких исследовательских принципах возможна имплементация соответствующих методологий?». Представляется, что при таком подходе заслуживает внимания реконструкция базовых методологических принципов в их применении к трем ключевым комплексным операциям исследовательской практики (манифестируемым вопросам «что исследуется?», «как?» и «кем?»): установления отношения предмета к объекту исследования, определенности метода, а также позиционирования самого исследователя. Результатом такой реконструкции станут принципы контингентности, поливалентности и трансверсальности, что и будет обосновано ниже.

1. Разрешение проблемы об отношении исследовательского предмета (знания) и объекта в предшествующей эпистемологии разворачивалось в полярностях «данности» и «конструирования». То обстоятельство, что объект во многом сконструирован самим исследователем, т. е. задан самим субъектом и репрезентирован как предмет исследования, известно со времен становления новоевропейской классической науки и философии. Когда различные версии объективизма и субъективизма были объявлены тривиальными и наивными, утвердился корреляционизм, устанавливающий само отношение между субъектом и объектом в качестве ключевого структурного элемента. Отталкиваясь от него, становится возможным получение знания о действительности. Следуя путем негативных определений, можно указать, что, с одной стороны, конечно же, объект ни коим образом не дан субъекту, а с другой стороны, не является полностью результатом субъектного конструирования. Генерируемое знание, таким образом, не является чем-то собственно необходимым, так же как и случайным. Отсылка к социальной субъектности, конструирующей знание посредством языка, т. е. апелляция к социальным практикам символического обмена, также не устраняет проблему разрыва между знанием и миром. Для разрешения парадокса не необходимости и не случайности нашего знания в современной социальной методологии вводится *принцип контингентности*, контрарный принципу необходимости. В отличие от случайности, контингентность применительно к знанию означает его принципиальную открытость к изменениям, т. е., попросту говоря, то, что знание может быть другим [7]. К. Мейясу, настаивая на позиции спекулятивного реализма, утверждает необходимость контингентности (ее абсолютизацию), означающую, «абсолютную невозможность необходимо сущего», или возможность для всякого сущего «быть другим без основания» [2, с. 85–88]. Понятый методологически этот тезис заставляет заменить принцип достаточного основания принципом «неоснования». Дискурс неоснования имеет свои ограничения, поскольку предполагает также принцип непротиворечивости и ведет к переосмыслению фактуальности как признания «нефактичности фактичности». Именно на этом пути К. Мейясу пытается обосновать необходимость контингентности, примиряющей в конечном итоге «мышление и абсолют» как без тотализирующей репрессивности знания, так и без его полной произвольности.

Открытость знания к новым возможностям для К. Мейясу означает, что «возможное как таковое (а не то или иное возможное сущее) необходимо должно быть нетотализуемо» [2, с. 192]. Интересно то, что подобное методологическое понимание контингентности может быть, по-видимому, использовано также в отношении других комплексных исследовательских процедур, а именно определения метода и позиции исследователя, приобретающих черты принципиальной открытости и радикальной процессуальности.

2. Способы деятельности и инструментарий исследователя в классической науке и философии выглядели как вполне определенные, стабилизированные и в известном смысле самодостаточные. С учетом соответствия избранному типу субъект-объектных отношений и конкретным версиям «доступности» объекта методы социальных наук со времени их оформления мыслились, во-первых, специфицированными в отношении иных отраслей научного знания, а во-вторых, несмотря на свою историческую и культурную обусловленность, представлялись универсальными в рамках своей предметной области. На примере акторно-сетевой теории в социологии и современной антропологии, стало очевидно, что это не так. Принцип «следования вещам», или движение исследователя за объектами своего изучения (будь то племенные сообщества, вещи или сами ученые в лабораториях), привел гуманитариев к радикальному изменению стратегий своей деятельности. Претензия на приближение к объекту привела к тому, что деятельность исследователя (особенно при полевой работе) стала напоминать совместную деятельность ученого и интересующих его объектов в одном поле. В основу такой стратегии был положен принцип *коммуникации* исследователя с изучаемыми активными объектами. Отсюда понятен принцип Б. Латура «Ничто не может быть познано – только сделано реальным (*realized*)» [3]: деятельность исследователя теперь больше напоминает испытание в установлении ассоциаций с различными силами (актантами) «реальности», понятой как градиент сопротивления. Методологический инструментарий, который теперь использует ученый, также напоминает постоянно изобретаемый набор разнородных способов установления силовых связей, подлежащих реконфигурированию. Эта *поливалентность* деятельности субъекта исследования может быть отнесена и к внутренней характеристике самого комплекса методов (способов, приемов, операций и процедур), связи между которыми переустанавливаются в зависимости от поведения объектов, исследовательских условий и ситуации. Комплекс методов становится ассамбляжами, сборками или сетями, наподобие самой действительности, которая этими методами изучается.

3. Не менее парадоксальной выглядит теперь позиция самого исследователя, к которой вряд ли применим употребленный лексический маркер: позиция как таковая становится *траекторией*. Движения исследователя оказываются своеобразным путешествием в гетерогенной реальности, или множестве миров, где вещи, другие существа, процессы и т. п. предстают в самых разнообразных формах и онтологически могут быть не подвержены различению родов сущего. Сам исследователь начинает выступать в роли некоего медиума (посредника или проводника), способного соединять, казалось бы, несоединимые разнородности, превращаясь в нечто иное, попадая в различные «природы», но при этом обладая способностью сохранять исследовательскую идентичность. В этом смысле научная работа, будучи одновременно способом установления контактов и коммуникаций с объектами изучаемых миров, напоминает трансверсальный шаманизм. *Трансверсальность*, создающая подобие пространства продуктивной встречи разнородного, предполагает прежде всего умение воспринимать иное именно как иное, как объект другой природы. Своеобразной иллюстрацией к этому является введение в социальную антропологию методологических принципов мультинатурализма и перспективизма. Если мононатурализм основан на четком различии природы и культуры –

и помещения соответствующих объектов в различные онтологии с доминированием культурных образов, – а также на идее антропоцентричной репрезентации («природный мир – один; а его культурных репрезентаций – много»), то мультинатурализм исходит из прямо противоположной установки: «одна культура – много онтологий». Перспективизм, дополняющий этот принцип, предполагает в свою очередь возможность разворачивания взгляда с позиций акторов принципиально другой природы [4, с. 59–79].

Пафос парадоксов постгуманитарной методологии провоцирует ряд фундаментальных подозрений, которые касаются изменения статуса и характера самих исследовательских практик, а также их отношения к социальному миру и «реальности» вообще. Указанные выше методологические принципы контингентности, поливалентности и трансверсальности, относящиеся к процессуальной стороне методологических практик, выражают, с одной стороны, явную тенденцию к интеграции исследовательских практик в предельно широкий контекст и пересмотру самой деятельности познающего субъекта, вплоть до стирания границ между субъектом и объектом, человеком и вещью, природой и культурой и т. п. С другой стороны, эти парадоксы призывают нас к рефлексивному возвращению к основам исследовательской деятельности в социальных науках, требующему поставить многие философские и методологические вопросы по-новому.

Список использованных источников

1. Социология вещей : сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. – М. : Территория будущего, 2006. – 392 с.
2. Мейясу, К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности / К. Мейясу ; пер. Л. Медведевой. – Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2015. – 196 с.
3. Латур, Б. Ирредукции [Электронный ресурс] / Б. Латур. – Режим доступа: https://vk.com/topic-8359708_26941259. – Дата доступа: 10.02.2020.
4. Де Кастру, Э. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / Э. де Кастру ; пер. Д. Кралечкина – М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. – 200 с.
5. Кон, Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / Э Кон ; пер. А. Боровикова. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. – 344 с.
6. Харви, Г. Секс, еда и незнакомцы. Религия как повседневная жизнь / Г. Харви ; пер. с англ. К. А. Колкуновой. – М. : Новое литературное обозрение, 2020. – 368 с.
7. Проблема контингентности в теории познания. Социолог Виктор Вахштайн о разрыве между знанием и миром, категории контингентности и теории факта [Электронный ресурс] / Постнаука. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/47821>. – Дата доступа: 03.03.2020.

УДК 159.923

И. И. Рифицкая

*Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Беларусь, irina.rifitskaya@mail.ru*

ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ НА УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ ПЕРСОНАЛА

Представлен теоретический анализ понятий «профессиональная мотивация» и «удовлетворенность трудом». Проанализированы результаты эмпирического исследования профессиональной